

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ АНТИЧНОСТИ

С 9 по 14 апреля с. г. в Ленинграде проходила конференция, посвященная изучению проблем античности.

Сотрудничество ученых братских социалистических стран в области изучения классической древности имеет длительные и плодотворные традиции. Подобные конференции уже не раз созывались обществом «Эйрене», объединяющим историков, археологов и филологов, для обсуждения важнейших проблем древней истории, значительных археологических открытий, филологических исследований или публикаций древних памятников. Это общество, созданное семь лет назад по инициативе ныне уже покойного академика Антонина Салача (Чехословакия), президентом которого он был, много сделало для объединения сил античников братских стран и марксистской разработки проблем древней истории. Как свидетельствуют уже прошедшие конференции (в ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Ленинградская в том числе), они оказываются весьма эффективными и для установления дружеских связей между учеными социалистических стран, и для обмена опытом между ними. Количество участников возрастает от одной конференции к другой. Если на конференции, состоявшейся в Румынии в сентябре 1960 г., в г. Констанца (древние Томи), присутствовало около 150 чел. и было заслушано 19 докладов на пленарных заседаниях и 36 — на секционных, то на следующей конференции, проходившей весной 1962 г. в Болгарии, в г. Пловдиве (древний Филиппополь), участниками стали уже около 200 ученых и вниманию конференции было предложено более 70 докладов. В работе Ленинградской конференции приняло участие около 300 чел. и было заслушано 84 доклада. На конференции было представлено 83 научных и педагогических учреждения СССР и стран социалистического лагеря (из них 70 — советских и 13 — зарубежных). В работе конференции участвовали ученые пяти научно-исследовательских институтов АН СССР (и соответственно их отделений в Ленинграде), пяти институтов Академий наук союзных республик, 26 университетов, шести музеев, 16 пединститутов, четырех библиотек и архивов. Из зарубежных учреждений были представлены Академии наук: Болгарии, Венгрии, Польши, Германии, Чехословакии и Румынии, а также университеты: Софийский, Пражский, Варшавский, Сараевский, Берлинский, Иенский, Клубский. В работе секций участвовало 273 чел., из них зарубежных делегатов — 40, Москвы — 63, Ленинграда — 115, прочих городов СССР — 55. На пленарных заседаниях было заслушано девять докладов, на секционных — 75, в прениях выступили 122 чел.

Возрастающее число участников конференций, так же как и расширяющаяся программа их работы, являются свидетельством теоретического и научного роста марксистской науки об античности. Прошедшая конференция, наиболее представительная, может рассматриваться как новый, успешный этап сотрудничества исследователей марксистов. Конференция знаменует собой важную веху в развитии марксистской науки об античности, о чем свидетельствует количество докладов самой разнообразной тематики, объединенных единой научной методологией, их целеустремленность в разрешении наиболее значимых и актуальных для марксистской науки о древности проблем.

Уже конференция в Пловдиве отличалась целеустремленной проблематикой. Она свидетельствовала, что марксистская наука об античности прежде всего имеет в виду исследование основной для марксистско-ленинской методологии проблемы — проблемы изучения закономерностей рабовладельческой формации. На Пловдивской конференции проблеме античного рабства было посвящено 11 докладов, в которых было дано конкретное исследование рабовладельческих отношений и их влияния на различные стороны жизни древних обществ.

Это важнейшее направление марксистско-ленинской науки о древности, как показала Ленинградская конференция, было полностью поддержано и развито в дальнейших работах исследователей античности из братских стран и в трудах наших ученых. Если на конференции в Пловдиве доклады по проблеме рабства проходили в общей секции «Истории», то на Ленинградской конференции этой проблематике была посвящена уже отдельная секция — «Формы труда и эксплуатации в рабовладельческом обществе». Как показала работа этой основной для конференции секции, исследовательская мысль историков-марксистов была направлена не столько на установление того общего, типичного, что отличало рабский труд — основную форму эксплуатации в условиях рабовладельческой формации, — сколько на выявление своеобразных, нетипичных черт рабства и установление других форм эксплуатации труда. Привлечению внимания историков-марксистов к разработке этого круга проблем, к исследованию вопросов социально-экономической истории содействовало опубликование в «Вестнике древней истории» (№ 4, 1960) перспективного научного плана работы Сектора древней истории по «Истории рабства в античном мире» и предпринятая Сектором многотомная и многолетняя работа по написанию истории античного рабства, первые выпуски которой уже вышли в свет.

Работа первой секции явилась как бы своеобразным итогом работы историков нашей страны и ученых из социалистических стран над основной для марксистско-ленинской методологии проблемой — проблемой закономерностей рабовладельческой формации; свидетельством ее глубокого и всестороннего изучения, выявления ее особенностей и специфики по сравнению с последующими этапами развития человеческого общества. Эта настоятельная задача для всех историков-марксистов была еще раз подчеркнута во вступительном слове академика-секретаря Отделения истории АН СССР Е. М. Жукова. «В современной обстановке, характеризующейся обострением идеологической борьбы, — указал академик Е. М. Жуков, — линия водораздела, проходящая между марксистской и буржуазной историографией, — это признание единства всемирно-исторического процесса, признание объективных закономерностей общественного развития, признание прогрессивной смены социально-экономических формаций. Борьба вокруг этих проблем идет по всему фронту».

Ленинградскую конференцию отличало также внимание к другому, не менее важному для марксистской исторической науки вопросу — вопросу об идеологии античного общества во всех ее своеобразных проявлениях. Этой теме была посвящена работа другой секции — «Идеологическая борьба в античном рабовладельческом обществе».

Изучение истории философской и политической мысли в древности, социально-политических учений, истории древних религий и христианства является задачей первостепенной важности для историка-марксиста. Исследование этого круга проблем необходимо и потому, что история идей нередко получает в работах буржуазных историков тенденциозное, неправильное освещение и используется ими в борьбе против марксистской методологии. Необходимость изучения для историка процессов борьбы передовой и реакционной идеологий, поступательного развития революционного мировоззрения диктуется современными условиями борьбы двух идеологий — марксистской и буржуазной. На конференции это наиболее отчетливо было показано в докладе на пленарном заседании С. Л. Утченко «Античность и современность».

Работа традиционной почти для всех конференций секции — «Проблема этногенеза народов припонтийских областей и их взаимоотношения с античным миром» — оказалась гораздо шире намеченных географических рамок. Ряд докладов был посвящен чрезвычайно сложной этрусской проблеме и вопросам древних письменностей. Программа этой секции была важна с точки зрения уяснения древней истории припонтийских областей, населявших их в древности племен и народов, их взаимоотношений с греческим и римским миром. Участие археологов, историков, известных своими исследованиями припонтийских и дунайских земель, сообщило работе этой секции большой интерес. Многие доклады были построены на новом археологическом материале, который тем самым был впервые введен в научный оборот.

Доклады конференции свидетельствовали о плодотворном, творческом применении марксистско-ленинского метода исследования в области археологии, древней истории и филологии. Конференция вновь подтвердила, что объединенные силы исследователей в состоянии противопоставить реакционным построениям буржуазных ученых научное, марксистское объяснение явлений как социально-экономической жизни, так и идеологических. Конференция еще раз подчеркнула, что сотрудничество ученых стран социалистического лагеря имеет большие перспективы для своего развития. Немалое значение в этой связи имеет научный орган марксистских исследователей древности — ежегодник «Эйрене».

Публикуя подробную информацию о ходе работы конференции, редакция имеет целью дать представление не только о проблематике и научном уровне ее докладов, но и передать тем самым в некоторой мере творческую обстановку заседаний конференции.

Конференцию открыл академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. Обратившись с теплыми словами приветия к зарубежным гостям, он выразил надежду на то, что конференция будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества ученых братских стран социализма. Отметив далее разнообразие программы и широту тематики конференции, Е. М. Жуков обратился к вопросу о важности изучения проблем античности для марксистско-ленинской исторической науки. Рассказав о внимании, какое уделяли античной истории основоположники научного коммунизма, он подчеркнул, что, не зная истории античного общества (от которого ведут происхождение такие, к примеру, привычные категории как «демократия», «диктатура» и т. п.), нельзя понять дальнейшего развития человечества. Основная задача нашей науки об античности, подчеркнул Е. М. Жуков, — изучение всего многообразия присущих рабовладельческому строю политических форм, учений, революций, — многообразие, отмеченного В. И. Лениным в его известной лекции о государстве. Напомнив, что актуальность тематики исторических исследований не определяется одной только хронологией и что в обстановке острой идеологической борьбы буржуазная историография пытается особенно активизироваться именно на этом участке древней истории, Е. М. Жуков называет некоторые проблемы истории древности, которые приобретают сейчас широкий общественный интерес. Это вопросы о единстве всемирно-исторического процесса и объективности закономерностей общественного развития (что ставит перед нами также задачу борьбы со всякого рода теориями «цивилизаций», «цикло» и т. п.), об оценке рабовладельческой формации как определенной ступени в развитии общества и прежде всего об экономической стороне этого вопроса (отсюда — необходимость борьбы с разного рода волюнтаристскими извращениями и вульгаризаторскими представлениями, примером которых может служить сталинский тезис о «революции рабов»). Теоретические труды историков-марксистов должны опираться на богатые результаты конкретно-исторических исследований. В заключение Е. М. Жуков выразил уверенность в том, что предстоящая конференция будет способствовать углубленной разработке методологически важных вопросов и внесет свой вклад в развитие марксистской исторической школы.

С приветствиями конференции выступили Заместитель Председателя Ленгорисполкома К. А. Евлампиев, который рассказал о роли Ленинграда в развитии русской и советской науки; директор Института истории АН СССР академик В. М. Хвостов, в чьем выступлении вновь прозвучала мысль о важнейшем значении историографии античности в современной идеологической борьбе; ректор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР А. Д. Александров, указавший на живую связь современной математики с античной наукой, на те выводы из античной истории, которые важны для борьбы за мир, за социальный прогресс, за коммунизм. Проф. Д. П. Каллистов зачитал приветствие академика В. В. Струве, который по предложению председательствующего Е. М. Жукова был избран почетным председателем конференции.

Затем с докладом «Античность и современность» выступил С. Л. Утченко (Москва). Докладчик показал, что между античностью и нашим временем существуют живые действительные связи: богатое наследие античности, прошедшее через культуру последующих эпох, живо и сейчас. Но правильное понимание этих связей не туго последующих эпох, живо и сейчас. Но правильное понимание этих связей не имеет ничего общего с теми поверхностными и тенденциозными аналогиями, которые мы встречаем в буржуазной историографии и философии. Критикуя буржуазные извращения разбираемой проблемы, докладчик касается вопроса об исторических аналогиях вообще, раскрывая его философское содержание как вопроса о повторяемости в развитии. Аналогии и даже сравнительный метод правомерны в науке, но лишь при условии связи с изучением исторических закономерностей. Доказывая сопоставимость различных явлений общественной жизни не только на одной, но и на разных ступенях развития, докладчик опирается на известное положение марксистско-ленинской философии: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55). Наконец, докладчик рассматривает место античности в современных исторических теориях, место тем более важное, что из античности весьма охотно берут материал авторы теорий, располагающихся, так сказать, на «стыке» истории и философии. Критикуя в этой связи «историческую философию» Тойнби и исторические концепции экзистенциалистов (К. Ясперс), автор показывает значение античности как одного из важнейших плацдармов борьбы с враждебной идеологией.

После доклада С. Л. Утченко участники пленарного заседания выслушали доклад И. Бежуньской-Маловиц (Польша) «Своеобразные формы рабства в эллинистическо-римский период». Докладчиком было сформулировано положение о том, что в античности существовали типичные и нетипичные формы рабства. Основанием для такого деления послужили предпринятые докладчиком конкретные исследования в области социально-экономической истории эллинистическо-римского периода. Формы рабства, которые попирались на сочетании в одних руках собственности на рабскую силу и орудия труда, полагает докладчик, могут быть названы

типичными с точки зрения экономической. При отсутствии же этого условия (например, в случае сдачи в наем раба его собственником другому лицу) можно констатировать появление нетипичных форм рабства, многочисленные примеры которых были приведены в докладе. В заключение докладчик ставит вопрос о развитии этих форм рабского труда: следует ли видеть в этом явлении расширение рабского способа производства или отражение временного его отлива?

Академик И. Тренчени-Вальдапфель (Венгрия) в докладе «Прометей прикованный и освобожденный» отстаивает подлинность трагедии о прикованном Прометее и устанавливает вероятное время ее написания (между «Персами» и трилогией «Эдип», во всяком случае, до «Просительниц»). Разбирая вопрос о композиции трилогии «Прометей», докладчик предлагает такую последовательность трагедий: «Прометей Прикованный», «Прометей Освобожденный», «Прометей Огненосец». Основное внимание докладчик уделил философскому значению эсхилловской разработки мифа о Прометее. Хотя позиция поэта не может считаться атеистической, но из его последовательного гуманизма, считает докладчик, могут быть сделаны атеистические выводы. Принесенный Прометеем огонь вопреки воле Зевса и сохранил человеку жизнь, и сделал его человеком в полном смысле слова. Прометей — представитель человеческого начала среди богов, и, следовательно, человек обязан лишь самому себе. В «Прометее Освобожденном» избавителем Прометея выступает не Зевс, а Геракл, тоже представитель человеческого начала, освободитель земли от чудовищ, олицетворяющих враждебные человеку стихийные силы. Человек, таким образом, сам и создает, и освобождает себя.

В заключение пленарного заседания с приветствием от имени Президиума Болгарской Академии наук и Президиума Болгарского комитета по изучению античности выступил проф. Хр. М. Даноу. Обсуждение докладов было перенесено на заседания секций.

На заседаниях первой секции, посвященной формам труда и эксплуатации в рабовладельческом обществе, было прочитано и обсуждено 27 докладов.

При большом разнообразии сюжетов, при различной специфике исследований (от тех, авторы которых поднимались до широких обобщающих тем, до других — более частного характера, по более узким конкретно-историческим вопросам) в работе I секции было определенное единство. Как докладчиков, так и участников прений, в первую очередь интересовала проблема многообразия форм рабства в античном мире, как наиболее актуальная и значимая для современной марксистской исторической науки об античности.

В некоторых из работ, обсужденных на заседаниях секции, проблема форм рабства была поставлена в общетеоретическом плане.

Это относится к докладу И. Бежуньской-Маловист «Своеобразные формы рабства в эллинистическо-римский период», зачитанном на пленарном заседании при открытии конференции (см. выше, стр. 231) и обсужденном на заседании секции. Вызвавший большой интерес аудитории этот доклад заслужил высокую оценку выступивших в прениях К. М. Колобовой, Э. Л. Казакевич, К. К. Зельина. Если оппоненты и разошлись с докладчиком в отборе критериев для определения типичности тех или иных форм рабства, то они были единодушны в признании их многообразия, невозможности свести характеристику рабовладельческой эксплуатации к какой-либо одной ее форме.

В докладе Е. М. Штаерман (Москва) «Клиенты, колонаты, рабы» были не только обрисованы рабство и иные формы эксплуатации (клиентела, колонат) в их развитии на протяжении многовековой истории древнего Рима, но и выявлены наиболее общие причины их появления и изменения, прослежена связь с определенными формами собственности на землю, с развитием товарного производства. Обсуждение доклада Е. М. Штаерман было оживленным, в нем участвовали В. И. Кузищин, Н. Н. Белова, А. Г. Бокщанин, Ф. М. Нечай, В. В. Виноградов, П. Ф. Козик. Большинство выступавших в прениях признало основные положения доклада твердо аргументированными.

В. И. Кузищин (Москва) в докладе «Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. Проблема производительности рабского труда и ее эволюция» поставил своей задачей определить — применительно к изучаемой им эпохе — конкретное содержание некоторых основных экономических понятий, проследить эволюцию производительности труда рабов в сельском хозяйстве. В прениях спор шел о том, какие именно явления считать более характерными для развития рабовладельческих хозяйств Италии I в. н. э.: отраженные в сочинении Колумеллы (как полагает докладчик) или Плиния Старшего (как думает М. Е. Сергеенко).

Исследованию форм труда, использовавшегося в рудниках римской Далмации, был посвящен доклад Э. Пашалича (Югославия) «Положение рудокопов в римских рудниках на территории провинции Далмации». Основываясь на литера-

турной традиции о способности и прилежности пилирийских племен к горнорудному делу и на новых археологических раскопках, обнаруживших поселки вокруг рудников, Э. Пашалич подчеркнул преимущественное использование в рудниках Далмации труда свободных наемных горнорабочих-металлариев. Сама постановка вопроса (обычно считается, что в рудниках работали рабы и приговоренные *ad metallum*) и новые археологические данные из раскопок югославских ученых вызвали интерес аудитории. Это отметила в своем выступлении Ю. К. Колосовская, указав, однако, что сам характер поселков (укрепления, рвы) едва ли позволяет, по ее мнению, связывать их с работавшими в рудниках свободными горнорабочими.

Я. Печирка (Чехословакия) в докладе «Замечания по поводу дискуссии о рабовладельческой формации и азиатском способе производства» познакомил участников конференции с работой, которую ведут чешские историки над изучением наследия К. Маркса. Основное внимание докладчик уделил попыткам раскрыть понятие «рабовладельческая формация», уяснить, как далеко простирались отличия в способе производства Греции и Рима, с одной стороны, и древнего Востока—с другой. Сообщение Я. Печирки вызвало живой отклик слушателей, которые обменялись мнениями по этому вопросу (К. М. Колобова, Я. А. Ленцман, В. Н. Андреев) и признали необходимым продолжить работу в теоретическом плане, сочетая ее с всесторонним анализом данных источников.

Проблема многообразия форм рабства, влияние его на социальную структуру античного общества, на экономику и политику не может быть поставлена без пристального внимания к вопросам методики исследования.

К. К. Зельин (Москва) в докладе «Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в Греции» поднял вопрос о методике изучения одного из основных источников наших знаний о рабстве в Элладу эллинистического времени. Докладчик отметил пути просопографического исследования дельфийских манумиссий, остановился на проблеме их исторического значения, на том, что они дают для суждений о численности рабов и сфере их деятельности, положении вольноотпущенников, содержании статьи *παράνοια*.

Вопросы методики в их общей форме были рассмотрены и Я. А. Ленцманом (Москва) в докладе «К методике исследования рабства в доклассической Греции». Я. А. Ленцман охарактеризовал состав письменных и вещественных источников о рабстве в доклассической Греции, те трудности, которые возникают при их интерпретации, и те возможности, которые открывает перед историком анализ этих источников. Он осветил также основные направления, по которым велось изучение доклассического рабства в новой историографии. Проблема многообразия форм рабства также нашла отражение в докладе докладчик остановился на вопросах об илотии, о гектеморах, о войкеях, о рабстве гомеровского эпоса, о содержании понятия «патриархальное рабство» применительно к истории ранней Греции.

Часть докладчиков подходила к постановке общих исторических вопросов, отводя часть от изучения одного или группы однородных источников.

Б. Геров (Болгария) в докладе «К вопросу о включении рабов в римскую армию во времена Августа» доказал на основании недавно найденного на территории Болгарии и восстановленного им фрагмента надписи, что Август включил в римскую армию рабов частных лиц, отпущенных императором и получивших имена Юлиев. Этими войсками, однако, не были *cohortes voluntariae civium Romanorum*, о создании которых сообщают литературные источники в связи с Панноно-далматским восстанием и катастрофой Вара. Рабы, действительно взятые в армию в связи с этими событиями, были включены в другие вспомогательные войска и, как свидетельствует разбираемая надпись, во вновь созданную конную часть — *ala Carpitoniana*, в которой и служил Прим, *Libertus Iulii*, из племени азалов. Доклад Б. Герова вызвал большой интерес аудитории. Выступившие в прениях (А. Г. Бокшанин, Ю. К. Колосовская) отметили его несомненное значение для исследования проблемы истории рабства (вопрос об источниках рабов во времени ранней Империи, этнический состав рабов и отпущенников, значение последних в социальной жизни Империи) и для истории дунайских провинций.

Литературные известия и надписи, найденные вне пределов Фракии, были рассмотрены В. Велковым (Болгария) в докладе «Фракийцы-рабы в античных греческих полисах (V—II вв. до н. э.)». Общий интерес представляют методические принципы, положенные докладчиком в основу определения этнической принадлежности рабов древней Греции, о которых сообщают эпиграфические источники. С большой осторожностью В. Велковым были отобраны материалы, относящиеся к рабам-фракийцам. Докладчик выяснил роль рабов-фракийцев в экономике полисов, выявил центры, в которых по источникам зафиксировано наибольшее число этих рабов, определил пути и время их распространения. Было установлено присутствие рабов фракийского происхождения в Афинах, некоторых греческих святилищах, полисах Средней Греции и Фессалии. Доклад В. Велкова был высоко оценен К. М. Колобовой.

А. Фол (Болгария), прочитавший доклад «Трудовая деятельность фракийцев в западных провинциях Римской Империи в I—II вв.», также привлек найденные вне границ Фракии эпиграфические документы для характеристики расселения фракийцев.

за ее пределами, охарактеризовал каналы, по которым шло это расселение (служба в армии, порабощение, переселение), установил как приблизительную численность фракийцев на западе, так и то применение, которое нашли они своим силам в земледелии, ремесле, торговле. В докладе были суммированы наблюдения автора над методами изучения надписей *extra fines*, а также те перспективы, которые это изучение открывает перед исследователями. Доклад А. Фола получил высокую оценку в выступлении чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской и В. Д. Блаватского.

Рассмотрение археологических документов служило отправным пунктом и для освещения некоторых исторических тем.

В докладе «Археологические следы патриархального рабства в Италии» Л. А. Ельницкий (Москва) предложил свою интерпретацию археологических памятников Италии эпохи бронзы и раннего железа. По мнению докладчика, в ряде случаев мы имеем дело с ритуальными захоронениями рабов; эти захоронения могут быть причислены к наиболее древним показателям италийского рабства. Выступавший в прениях К. К. Зельин, отметив интересную постановку вопроса, указал на некоторую спорность одного из положений автора.

Н. Н. Залесский в докладе «К вопросу о начале колонизации этрусскими Кампаний. Дата основания Капуи» дал анализ вещественных свидетельств, взятых в сравнении с данными литературной традиции, и обосновал отнесение рассматриваемых событий к началу VI в. до н. э.

Предметом исследования некоторых докладчиков были литературные памятники, трактовавшиеся в качестве источников по истории рабства.

Э. Л. Казакевич (Москва) в докладе «Οἱ Δόμοι καὶ τὰ ἔργα в афинской судебной практике», изучив данные ораторов V—IV вв. до н. э. о взятых под пытку показаниях рабов, показала, что многочисленные высказывания тяжущихся сторон о превосходстве этого вида судебного доказательства над другими не могут не отражать мнение, господствовавшее в афинском суде. Э. Л. Казакевич критически отнеслась к распространенному в нашей литературе взгляду о том, что этот доказательный прием *βάσμις* был лишь трюком судебной борьбы, который афинский суд вряд ли принимал всерьез как способ выявления истины. Пытаясь проследить причины столь высокой оценки доказательной силы *βάσμις*, докладчик указал на еще очень слабое развитие техники проверки документов и на широко признанную продажность свидетелей. Это придавало показаниям раба, добытым под пыткой, кажущуюся объективность. В прениях Л. Вельскофф (ГДР) отметила высокий уровень источниковедческого анализа Э. Л. Казакевич.

В докладе М. И. Рижского (Новосибирск) «Черты кризиса рабского способа производства в сельском хозяйстве Италии в I в. н. э. (По данным Колумеллы)» проблемы агротехники, производительности рабского труда, отношений рабов и рабовладельцев рассматривались на примере хозяйства интенсивного типа, описанного Колумеллой.

В докладе Г. Л. Курбатова (Ленинград) «Рабы, рабство и проблема рабства в IV в. в произведениях Либания» были освещены отдельные стороны развития рабства в восточных провинциях Поздней Римской империи по данным этого писателя. Г. Л. Курбатов подверг анализу его сведения, сравнив некоторые из них с результатами археологических исследований, ведшихся под руководством Г. Чаленко. Докладчиком были сделаны наблюдения о сравнительно небольшой роли рабского труда в производстве IV в., о переходе рабов мелких и средних рабовладельцев под патронат крупных, о бедстве рабов и других формах их сопротивления власти господ. Взгляды Либания на рабство, поставленные им в связь с социально-политическими условиями IV в., выражали, по мнению исследователя, настроения средних городских землевладельцев-куртиалов. Доклады М. И. Рижского и Г. Л. Курбатова были положительно оценены чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской.

Ряд докладов касался состояния зависимости и форм эксплуатации, в большей или меньшей степени приближавшихся в правовом или экономическом отношении к рабству.

И. Ш. Шифман (Ленинград) в докладе «Рабы в документах из Дура-Европос» на основании юридических источников описал две равно распространенные в сирийском праве I—III вв. формы рабства: постоянное и временное. Временное рабство, рождавшееся из долговых сделок, означало частичное порабощение производителей и было, по выражению докладчика, весьма близко крепостному состоянию. Параллели этому явлению докладчик обнаружил не только в памятниках эллинистическо-римского Египта, но и в древневосточном праве. Доклад был высоко оценен чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской.

Положение вольноотпущенников было освещено в докладе Л. М. Глускиной (Ленинград) «К вопросу о правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э.». Анализ литературной традиции приводит докладчика к выводу о неопределенности в Афинах IV в. до н. э. правового положения вольноотпущенников, называемых в источниках иногда термином *δούλος*. Это наблюдение, опирающееся на то, что в Афинах IV в. не было узаконенной процедуры освобождения рабов, на характер про-

цессов, которые вели против вольноотпущенников (*δίκαι ἀποστασίον*) их бывшие хозяева, дало возможность докладчику по-новому интерпретировать отдельные литературные свидетельства и термины, которые прежние исследователи считали относящимися к рабам. Докладчик связывает их с вольноотпущенниками (например, *Ath. Pol.*, XL, 2; *Politt.*, 1275 b 37). Доклад получил высокую оценку в выступлениях С. Я. Лурье, К. М. Колобовой, Э. Л. Казакевич. Последняя указала, однако, что при предложенном докладчиком толковании текстов имеется некоторая неясность в отличиях терминов *δοῦλος* и *ἐλευθερος*.

К. М. Колобова (Ленинград) прочла доклад «К вопросу о формах государственного контроля над метеками (по материалам Родоса)». Докладчику удалось выяснить форму, в которой Родосское государство эллинистического периода осуществляло контроль над многочисленными метеками. Для этого использовались объединения метеков вокруг культов различных богов. Религия, отмечает докладчик, была в древнем мире формой общественной связи в отношениях полиса к негражданскому населению. Наличие такой связи предоставляло широкие возможности полису осуществлять контроль над метеками и ксенами. Союзы метеков, их законы утверждало государство; эти союзы в миниатюре повторяли организацию полиса, но в некоторых отношениях их система была более прогрессивной. Родосское государство удостоило союзы метеков некоторых привилегий. Включение в союзы женщины на равных правах с мужчинами было в сравнении с ограниченностью полиса большим шагом вперед. Контролем над метеками ведала специальная коллегия, которая утверждала «вечные законы союза». В союзах метеков и рабов государство нашло гибкую форму контроля над негражданским населением Родоса, поощряя в то же время энергетов союза, своего рода знатную прослойку метеков. Выступившие в прениях Л. М. Глускина и Е. А. Милнор отметили большое значение доклада не только для выяснения правового положения метеков, но и для исследования вопроса о сущности полиса.

Доклад И. С. Свенцицкой «Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э.» также подводил к основной проблеме, обсуждавшейся на первой секции, — о формах эксплуатации в рабовладельческом обществе. Анализ разнообразных литературных и археологических источников позволил докладчику воссоздать основные черты зависимости малоазийских племен и отказаться от сближения этой зависимости со спартанской илотией. Возражая И. С. Свенцицкой, В. П. Дзагутова отстаивала сходство этих форм зависимости, указав, однако, на то, что и сведения о спартанской илотии нуждаются в обстоятельном изучении, поскольку все они сравнительно позднего происхождения.

Темы, связанные с историей ремесла и ремесленников, были разработаны в докладах Т. В. Блаватской и И. Ф. Фихмана.

Т. В. Блаватскую (Москва) в ее докладе «О роли ремесла в Греции периода становления рабовладельческого общества» интересовали социальные и идеологические явления, связанные с процессом обособления ремесла в микенском (по терминологии докладчика — данайском) обществе. Основным в докладе было положение о формировании в микенском обществе ярко выраженного слоя ремесленников, новых условий труда которых способствовали зарождению новых представлений, новой идеологии. В развернувшихся по докладу прениях К. М. Колобовой и Я. А. Левитским были отмечены принципиальное значение проблемы отделения ремесла от земледелия в социально-экономическом развитии обществ и творческая постановка этой проблемы докладчиком. К. М. Колобова не согласилась, однако, с тезисом докладчика о высокой степени развития микенского ремесла уже на основе происшедшего отделения. (Были ли возможны при отсутствии денег и широкого обмена охват ремесленным производством всего микенского общества в целом?) Ремесленники, работавшие на нужды дворцов, по мнению К. М. Колобовой, составляли привилегированную группу в дворцовых хозяйствах, но в земледельческих районах ахейских государств господствовало по-прежнему домашнее ремесло.

И. Ф. Фихман (Ленинград) в докладе «Ремесленники позднеримского Египта по данным папирусов» в качестве объекта исследования выбрал один вопрос о положении египетских ремесленников в позднеримское время. На основании папирусового материала докладчик пришел к следующим выводам. Основную массу государственных мастеров и ремесленников, зависимых от крупных землевладельцев, составляли свободные. Из этой общей массы выделяются работники государственных мастерских и ремесленники, зависимые от крупных землевладельцев. За исключением работников государственных мастерских и членов полностью подчиненных государству корпораций, ремесленники занимались наследственной профессией не в принудительном порядке. Несомненно, существовала имущественная дифференциация среди ремесленников. Материальное положение большей части ремесленников было тяжелым.

Иную тему, но все же связанную с вопросом о положении ремесленников, разработал в своем докладе «К вопросу об общественном положении греческих художников» Я. Д. Силадзи (Венгрия). Докладчик критиковал две противоположные точки зрения, распространенные в литературе: как ту, согласно которой в классическую эпоху не существовало разницы между художниками и ремесленниками, так и

ту, согласно которой обе группы населения занимали одинаково низкое положение в обществе. По мнению Я. Д. Силади, для правильного решения проблемы надо подходить к ней исторически, т. е. изучать положение мастеров по периодам, от эпохи первобытного общества до эллинистическо-римской. В VI—V вв., например, нет указаний на разницу в социальном положении между художниками и ремесленниками. Решающее изменение происходит в IV в. до н. э. в связи с кризисом классического полиса: с ростом индивидуализма начинают сильнее выделять значительных мастеров из массы рядовых работников в области художественного ремесла. Доклад вызвал большой интерес и получил высокую оценку в выступлении В. Д. Блаватского.

Помимо форм рабства и близких типов зависимости на первой секции были затронуты и вопросы классовой борьбы в античном мире.

Доклад В. Ф. Га й д у к е в и ч а (Ленинград) «О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э.» был посвящен раскрытию социальной природы восстания Савмака. По мнению докладчика, в движение Савмака были втянуты широкие массы населения: это могли быть зависимые крестьяне, ремесленники, вероятно, рабы. Восставшие скифы были жителями боспорских городов и сел. Докладчик подчеркнул, что независимо от того, кем был вождь восстания Савмак, рабом или нет, оно явилось выражением острых классовых противоречий, присущих Боспору. Выступивший в прениях А. И. Доватур отметил достоинства доклада.

В докладе И. А. Ш и ш о в о й (Ленинград) «Античная традиция о Дримаксе» был разобран текст Нимфодора Сицилийского, сообщающий некоторые сведения о восстании рабов на Хиосе. Перед автором стояли задачи: уяснить степень достоверности сообщения, датировать события, о которых повествует Нимфодор, и самый его рассказ. Сопоставление текста Нимфодора со свидетельством Диодора о восстании сицилийских рабов указывает на ряд совпадений в изображении хода восстаний и их вождей. Черты сходства заставляют предполагать, что Нимфодор был современником сицилийских событий, под влиянием которых сложился и его рассказ о Хиосе. Рассказ Нимфодора имеет, по мнению докладчика, некоторую реальную подоснову; хиосское восстание, о котором сообщает Нимфодор, правильное всего приурочить к IV—III вв. до н. э.

Э. М а р о т и (Венгрия) в докладе «Движения рабов в период второго триумвирата» указал на новые формы и методы классовой борьбы рабов (измена рабов рабовладельцам, убийства рабовладельцев, грабеж имений проскрибированных, участие в военных действиях и т. д.). Докладчика интересовала также связь выступлений рабов и явлений политической, экономической и идеологической жизни этого времени. Выступивший в прениях А. И. Зайцев отметил важность поднятых докладчиком вопросов.

Р. Г р ю н д е л ь в докладе «Норма и соревнование в одной латинской надписи (CIL, VIII, 2728)?» затронул вопрос о работе воинов в Африке императорской эпохи. Он остановился на значении двух терминов, встречающихся в надписи (*modus* и *certamen operis*), и пришел к выводу, что значение первого не совпадает с понятием индивидуальной нормы, смысл же второго термина соответствует современному понятию «соревнование».

На заседании секции был зачитан также доклад отсутствовавшего на конференции З. И. Я м п о л ь с к о г о «Храмовое рабовладение древнего Рима».

На заседаниях второй секции «Проблемы этногенеза народов припонтских областей и их взаимоотношения с античным миром» было прочитано и обсуждено также 27 докладов.

Оживленное обсуждение вызвал доклад Д. П. К а л л и с т о в а (Ленинград) «Царство Атея». Докладчик выступил против разделяемой в настоящее время большинством советских ученых точки зрения Б. Н. Гракова, согласно которой уже в IV в. до н. э. в Северном и Западном Причерноморье складывается большое скифское государство с центром в Каменском городище, возглавлявшееся царем Атеем. Д. П. Каллистов считает, что «царство» Атея было не государством в полном смысле этого слова, а довольно обычным объединением племен. Возникло оно на территории Фракии и в районах, прилегающих к Истру, т. е. в пределах Западного Причерноморья. Основное внимание докладчик уделил анализу свидетельства Страбона — единственного из античных авторов, упоминающего о власти Атея над северопричерноморскими племенами. Возражения выступавших в прениях (Д. Б. Шелов, Т. В. Блаватская, Э. И. Соломонов, С. Ф. Стрежелецкий, В. Д. Блаватский, Я. Харматта) шли по трем направлениям. Прежде всего указывали на то, что докладчик ограничился анализом только письменных источников, в то время как и Б. Н. Граков, и сторонники его взгляда привлекли очень значительный археологический материал. Далее, возражения вызвала правомерность сомнений докладчика в ценности упомянутого пассажа из «Географии» Страбона. Наконец, отмечали, что докладчик отказался от решения важного

вопроса о характере социальных отношений в государстве Атея и о самой природе государства у номадов.

Темный период в истории Северного Причерноморья получил освещение в докладе Я. Харматты (Венгрия) «К истории Херсонеса Таврического и Боспора». Докладчик подверг анализу 53 главу сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio», нашего единственного источника о взаимоотношениях Херсонеса и Боспора на рубеже III—IV вв. н. э. Ранее большинство ученых под влиянием авторитета Т. Моммзена считало этот рассказ недостоверным. Широко привлекая другие источники, в частности не использованные до сих пор в этой связи сасанидскую надпись из Пайкули, Я. Харматта убедительно доказал достоверность известия Константина и дал его историческую интерпретацию. Высокую оценку докладу дали выступившие в прениях В. Д. Блаватский и В. Ф. Гайдукевич. Ценность доклада тем более велика, что картина боспоро-херсонесских отношений тесно увязывается с общей историей Восточного Средиземноморья позднеантичной эпохи. Тем самым частное, казалось бы, исследование приобретает гораздо более широкое значение.

Вопросам этногенеза и этнической истории народов припонтийских стран были посвящены доклады В. Бешевлиева, Н. Ласку, А. А. Белецкого, Т. Д. Златковской и И. В. Пятывшевой.

В. Бешевлиев (Болгария) в докладе «Иранские элементы в древнеболгарской просопономике» на основании анализа ряда древнеболгарских имен показал их иранские корни. Так, например, имя болгарского царя Аспаруха (VII в.) восходит к сарматскому имени Аспург. Следы иранского влияния можно найти и в памятниках материальной культуры (Мадарский наскальный рельеф, керамика). Все это, по мнению докладчика, свидетельствует о значительном наличии иранского элемента у древних болгар, что следует учитывать при разработке вопросов их этногенеза. Выступившие в прениях В. Д. Блаватский и Я. Харматта отметили большое значение доклада. Лингвистический по материалу, он приводит к важным историческим выводам. Выступавшие отмечали, что предпринятое В. Бешевлиевым исследование важно для изучения истории всей Юго-восточной Европы в позднеантичную эпоху. В докладе была поставлена также большая и сложная проблема роли иранских элементов в тюркских кочевых обществах поздней античности и раннего средневековья.

Вопросы этнической истории Западного Причерноморья были рассмотрены в докладе Н. Ласку (Румыния) «Об этническом значении термина Δάος». Докладчик выступил против распространенного мнения, согласно которому часто встречающиеся в позднеантической и римской комедии имя Δάος указывает на этническую принадлежность раба и является древней формой имени Дак, часто сопоставляемой с другим римским именем Гет. На основании анализа литературных и эпиграфических памятников Н. Ласку показывает, что Дак — это одно из имен собственных, распространенное в Малой Азии (особенно во Фригии и прилегающих к ней районах), откуда с рабами оно проникло в греко-римский мир. Доклад Н. Ласку вызвал большой интерес.

Вопросы методического характера были поставлены в докладе А. А. Белецкого (Киев) «Этнонимия берегов Эвксинского Понта и проблемы ее изучения». Используя для изучения этнонимии берегов Понта Эвксинского источники на греческом и латинском языках, докладчик отметил, что в этих источниках приходится считаться с наличием омонимии и синонимии, с перенесением названий с одного этноса на другой, с паратимологией, эллинизацией и латинизацией названий, с чисто греческими (и соответственно латинскими) названиями варварских племен, с мифическими названиями или названиями мифических племен. Необходимо также учитывать возможность переименований, исторических и литературных.

Задачей доклада Т. Д. Златковской (Москва) «Границы и этнические проблемы Фракии VII—V вв. до н. э.» было исследование взаимоотношений двух родственных ветвей древних фракийцев — северной гето-дакийской и южнофракийской. Изменение северной границы Фракии отражает процесс формирования «исторических» фракийцев. Очевидно, процесс этот шел интенсивнее на землях от Эгейского моря до Балканских гор, где он в общих чертах был завершен к VII в. до н. э. Позже, в V в. граница между «историческими» фракийцами и гето-даками отодвинулась к северу и проходила уже по Дунаю. Вероятно, процесс слияния прафракийцев с гето-даками проходил здесь не столь интенсивно и не был полностью завершен и после V в. В выступлении Хр. Данов указал на необходимость исследования иллирийского этнического элемента для дальнейшей работы над темой этого интересного доклада.

Этнический состав населения Херсонеса в I—VII вв. был предметом доклада И. В. Пятывшевой (Москва) «К вопросу об этническом составе Херсонеса в I—VI вв. н. э.». Докладчик указал на то, что большие изменения в этническом составе населения города в этот период сначала были связаны с римской оккупацией, затем с движением племен, втянутых в орбиту «великого переселения». Эти изменения оказались существенное влияние на материальный и духовный облик населения. Сопоставив исторические свидетельства и археологический материал, докладчик сделал попытку определить последний как специфический для определенных этнических групп населения Херсонеса. Оценив доклад в целом положительно, А. Л. Якобсон отметил,

что докладчик не использовал массового археологического материала, ограничившись анализом отдельных чем-либо выдающихся вещей.

Результаты новых археологических работ нашли отражение в докладах Т. Х. Иванова, Е. И. Леви, С. И. Капошиной, Г. Сергеева и А. И. Болтуновой.

Т. Х. И в а н о в (Болгария) в докладе «Аполлония в свете новых археологических исследований» показал то большое значение, которое имеют раскопки 40-х гг. для истории этой милетской колонии на Западном побережье Черного моря. Исследование некрополя города классической и эллинистической эпох (460—150 гг. до н. э.) пролило обильный свет на погребальные обряды, на социальную и экономическую историю города. Работы показали большое сходство в погребальных обычаях и материальной культуре города с другими античными центрами на Западном и Северном побережье Черного моря. В выступлениях были отмечены важность результатов раскопок и высокий профессиональный уровень, с которым они были проведены, а также то, что оперируя сравнительно ограниченным материалом, который может дать некрополь, автор пришел к большим историческим выводам.

Доклад Е. И. Л е в и (Ленинград) «Раскопки ольвийской агоры и теменоса» был посвящен результатам археологических исследований последних лет в Ольвии. Здесь был вскрыт ансамбль архитектурных памятников второй половины VI — второй половины II вв. до н. э. и получен разнообразный материал, дающий яркое представление об общественно-политической жизни и культуре города. Были выявлены остатки храмов Аполлона Дельфиния, Зевса, ряд алтарей, стой, торговые здания и т. д. Большой эпиграфический материал позволяет во многом по-новому взглянуть на историю культов, экономические связи и государственное устройство Ольвии. Гибель памятников теменоса и агоры во II в. до н. э. свидетельствует об упадке города еще до разгрома его гетами.

На материале новых раскопок был построен и доклад С. И. К а п о ш и н о м (Ленинград) «Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и в первые века н. э.». В докладе особое место заняла характеристика италийских вещей периода Поздней республики, обнаруженных в одном из курганов (серебряные, позолоченные, богато орнаментированные чаши с рельефными медальонами очень высокого художественного уровня). Итальяские изделия проникали в Нижнее Подонье различными путями: как посредством торговли, так и ограбления (сарматы, принимавшие участие в походах Митридата и Фарнака могли добыть эти ценные предметы). Д. Б. Шелов в своем выступлении отметил, что если часть находимых в Подонье западных вещей и попала сюда в результате военных набегов, основная масса их, вероятно, все же поступила благодаря обычной торговле. Видимо, можно говорить о наличии какого-то караванного торгового пути, шедшего с Рейна в Подонье и далее на Волгу.

О двух кладах (доспехи, украшения, золотые монеты), найденных в Молдавской ССР, рассказал Г. П. С е р г е е в (Кишинев) в докладе «Олонештский и Ларгуцкий античныеклады». Возможно, что первый из них, содержащий шесть племен и 12 позоней из бронзы IV в. до н. э. и святилище с посвящением Артемиде Эфесской VI — начала V в. до н. э., связан с походом полководца Александра Македонского, Зоприона на Ольвию.

На материале недавно обнаруженной в Анапе греческой надписи IV в. до н. э. был построен доклад А. И. Б о л т у н о в о й (Москва) «Проксенский декрет, найденный в Анапе, и некоторые вопросы истории Боспора». Разбираемая в докладе надпись проливает новый свет на историю Боспора¹. Доклад вызвал большой интерес.

И. Б. Б р а ш и н с к и й (Ленинград) основное внимание в докладе «Керамическая тара как материал для датировки скифских курганов IV—III вв. до н. э.» уделит анализу клейм Гераклеи Понтийской, которые составляют большинство среди находок в этих курганах. Докладчик предложил новую хронологическую классификацию этих клейм и абсолютные даты, наметив на основании их хронологическую последовательность больших курганов Северного Причерноморья.

Вокруг большой и сложной проблемы взаимоотношений античных государств Северного Причерноморья с окружающими их племенами могут быть сгруппированы доклады Н. В. Анфимова, Ю. С. Крушкол и А. Н. Щеглова.

Доклад Н. В. А н ф и м о в а (Краснодар) «Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов» был посвящен главным образом экономическому и политическому воздействию Боспора на меотские племена. Меньшее внимание было уделено проблеме обратного воздействия меотов на Боспор и вопросам культурного взаимодействия. В выступлениях отмечалось большое значение доклада, в котором была дана полная сводка материала по исследуемой проблеме и ее историческая интерпретация. Возражения докладчику касались намеченной им восточной границы расселения меотских племен (В. П. Шилов) и вопроса о подчинении меотов Боспору, которое Н. В. Анфимов склонен считать в значительной мере номинальным (Н. И. Сокольский).

¹ Расширенный текст доклада А. И. Болтуновой напечатан в этом номере журнала, см. стр. 136—149.

В докладе Ю. С. К р у ш к о л (Москва) «Этногенез синдов и меотская проблема» был выдвинут тезис о том, что синды по своему происхождению относятся к исконным племенам Северного Кавказа, и поскольку они принадлежали к меотским племенам, то, видимо, меоты были также местного, кавказского происхождения и относились к большому массиву племен Северного Кавказа. Этот тезис основывается на материале могильника у хутора «Рассвет», который, по мнению докладчика, дает непрерывную линию развития от эпохи бронзы до IV в. до н. э. Выступавшие (В. П. Шилов, К. Ф. Смирнов, Н. В. Анфимов) указывали на большой хронологический разрыв между курганами эпохи бронзы и синдскими захоронениями. Отсутствие переходных форм показывает, что одной непрерывной линии развития нет, тем самым нельзя на данном материале строить такую картину этнической истории синдов, как это сделал докладчик.

А. Н. Щ е г л о в (Севастополь) в докладе «О населении северо-западного Крыма в античную эпоху и его взаимоотношениях с Херсонесом и скифским государством» рассмотрел вопрос об этническом характере обитавших здесь племен и их отношениях с Херсонесом и скифами на протяжении всей античной эпохи. Большое внимание докладчик уделил племени саторхеев, которые, по его мнению, принадлежали к местному доскифскому населению и были тождественны таврам и родственны им племенам. Выступившие в прениях (С. Ф. Стрелецкий, П. Н. Шульц, В. Ф. Гайдукевич) отметили крайнюю гипотетичность доклада. С. Ф. Стрелецкий указал также, что невозможно предположить, будто клеры принадлежали не гражданам Херсонеса, а местному населению, как это допускает докладчик. В. Ф. Гайдукевич отметил спорность самой локализации саторхеев, поскольку Страбон помещает их вне Крыма.

Тесно связаны с этой группой докладов доклады Н. И. Сокольского, П. Н. Шульца и М. И. Максимовой, поскольку в них на основании анализа памятников искусства также исследовались вопросы взаимоотношений греческой и местной культур в Северном Причерноморье.

Положив в основу недавно найденные памятники, Н. И. Сокольский (Москва) отметил в докладе «Синдская скульптура» основные черты синдской скульптуры, дал общую характеристику ее развития, указав, в частности, на решающую роль синдов в развитии местной негреческой скульптуры Боспора в эпоху эллинизма. Особую важность этих памятников докладчик видит в том, что они позволяют судить о специфических чертах синдской культуры, о сохранении племенных традиций в образе жизни и идеологии синдов.

П. Н. Шульц (Симферополь) в докладе «Скифские изваяния Причерноморья» нарисовал сложную и многообразную картину развития монументального искусства у скифов. Докладчик подчеркнул, что решение спорного вопроса о назначении изваяний следует искать в изменении социально-экономических отношений в скифском обществе. Образ родоначальника, символизировавший у скифов сознание общности родовых и племенных связей, отступал перед образом военачальника и царя, закреплявшего новые отношения господства и подчинения.

Доклад М. И. Максимовой (Ленинград) «Миф о похищении Ганимеда в передаче боспорского мастера» был посвящен исследованию миниатюрной группы, украшавшей золотую диадему из Артюховского кургана. Мастер допустил при ремонте ошибку, искажившую популярный греческий миф, что, по мнению докладчика, является свидетельством неглубокого усвоения эллинской культуры даже верхним слоем местного населения Тамани в период позднего эллинизма.

И. Т. К р у г л и к о в а (Москва) в докладе «Культура Боспора в позднеантичный период» уделила основное внимание тем новым чертам в культуре Боспора, которые были вызваны усилением влияния местного населения. Докладчик подчеркнул различный характер культуры города и деревни в то время, поскольку античные традиции сохраняются главным образом в городах, тогда как в среде сельского населения получили распространение старые племенные традиции и новые варварские обычаи. Выступившие в прениях Т. Х. Иванов и Э. И. Соломоник положительно оценили этот доклад.

Проблемы истории племен Западного Причерноморья и их взаимоотношения с Римом были предметом докладов З. Мад и А. М. Ременникова.

Доклад З. М а д и (Венгрия) «Припоитийские кельты» был посвящен очень сложному и имеющему большую историю вопросу об этнической принадлежности бастарнов. Докладчик отверг их германское происхождение и привел доводы в пользу кельтской принадлежности бастарнов. В выступлении Н. И. Сокольского была отмечена убедительность аргументации автора и то большое значение доклада, которое он имеет для истории не только Западного, но и Северного Причерноморья.

О борьбе племен Подунавья с Римом в 70-е гг. III в. сделал доклад А. М. Ременников (Казань) «Борьба племен Подунавья с Римом в 270 годах». Отметив значение борьбы этих племен и их союзников, докладчик указал, что борьба эта, сливаясь с социальными движениями внутри Римской империи, замедляла восстановление ее единства и ослабляла военную мощь. Я. Харматта подчеркнул необходимость более полно учитывать восточную политику Рима при анализе положения на Дунае,

а М. А. Тиханова призвала докладчика внимательнее отнестись к точке зрения польских археологов, считающих, что пшеворская культура не связана с вандалами.

История Закавказья в античную эпоху была предметом докладов С. Т. Еремяна, О. Д. Лордкипанидзе и Н. Ю. Ломоури.

Доклад С. Т. Еремяна (Ереван) «Страна Махелония надписи Кааба-и-Зардушт» был посвящен локализации страны Махелонии, упомянутой в греческой версии большой трехязычной надписи царя Шапура I, открытой в ущелье Накш-и-Рустем. Согласно античным авторам, племя махелонов жило на Черноморском побережье, однако упомянутая страна должна быть локализована в другом месте. Докладчик приходит к выводу, что наряду с «Царством махелонов и генихов» на Черноморском побережье, на Прикаспийском побережье существовало другое политическое объединение — «Махелония».

В докладе О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) «Античный мир и древняя Колхида» на основе привлечения разнообразных источников рассматривались общие вопросы культурных и экономических взаимоотношений античного мира и Колхиды в VII—II вв. Указав на крайне слабую изученность этих вопросов, докладчик отметил большое значение археологических работ на территории нынешней Западной Грузии, которые дают возможность несколько восполнить этот пробел. Особенно важны в этом отношении развернувшиеся в последние годы систематические исследования античных поселений как в Восточном Причерноморье, так и во внутренних районах древней Колхиды.

Н. Ю. Ломоури (Тбилиси) в докладе «К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды» показал, что, несмотря на недостаточность археологического исследования расположенных здесь городов Фасиса, Диоскурии и Гюеноса, уже сейчас можно сделать некоторые исторические выводы. Одним из основных является вывод о том, что греческие колонии возникли на месте довольно развитых местных ремесленно-земледельческих поселений. Основание греческих колоний и образование местных городских центров в тех же местах было, по мнению докладчика, одновременным процессом. В докладе был затронут также вопрос о своеобразии греческих колоний Колхиды.

Наконец, историко-лингвистическим вопросам были посвящены доклады А. И. Харсекина (Кременец) «К вопросу о взаимоотношениях этрусского и греческого языков (греческо-этруские словарные соответствия)» и В. В. Шеворошкина (Москва) «К проблеме карийской письменности и языка».

Отметив, что весьма значительная часть этрусского словаря имеет более или менее близкие соответствия в греческом, А. И. Харсекин указал, что из этого не следует однако, делать вывод о близком родстве названных языков, поскольку эти соответствия проявляются почти исключительно в лексике и преимущественно в той ее части, которая не принадлежит к основному словарному ядру языка. Большинство из таких соответствий возникло в результате не генетических, а культурно-исторических связей. С другой стороны, нельзя сводить все имеющиеся сходства к одним лишь заимствованиям. В обоих языках имеется значительное количество лексем, восходящих к общему индоевропейскому источнику. В докладе была предпринята попытка выявить некоторые особенности, характеризующие отдельные группы этрусско-греческих лексических соответствий.

Доклад В. В. Шеворошкина был посвящен проблеме дешифровки карийского языка. До последнего времени карийские надписи оставались недешифрованными. Неясен был даже характер карийской письменности. Докладчик рассказал о методике и результатах своей работы. Идентификация карийских букв дала возможность решить проблему происхождения карийской письменности, которая была заимствована у греков Крита в VIII в. Докладчик определяет карийский язык как хетто-лувийский язык хетто-лидийского типа. Поскольку карийцы представляют хеттскую народность, во II тысячелетии также некоторые районы Греции. По мнению В. В. Шеворошкина, ряд фактов свидетельствует о хеттском характере и этрусского языка.

На заседаниях III секции — «Идеологическая борьба в античном рабовладельческом обществе» — было прочитано и обсуждено 23 доклада. Весьма разнообразные по тематике, они могут быть сведены в две большие группы по подходу к предмету и по методике исследования. Первую группу составляли доклады, посвященные исследованию отдельных памятников (или даже отдельных отрывков) с точки зрения их связи с современной им политической действительностью. Авторы такого рода работ пытаются раскрыть в исследуемых памятниках понятные современникам, но позднее забытые намеки и иногда совсем по-новому взглянуть на давно известные произведения. Вторую группу докладов составляли исследования по истории идей в ее более общем (и более традиционном) аспекте. Оба направления работы секции были тесно связаны между собой (недаром в прениях вместе обсуждались два посвященных Эсхилу «Прометею» доклада, представлявшие не только две разные точки зрения, но и два разных подхода к памятнику).

А. И. Доватур (Ленинград) в докладе «„Средний“ государственный строй в „Политике“ Аристотеля и историческая действительность» дал образец сочетания филологического анализа с историческими обобщениями. Предложив (и убедительно обосновав) новый перевод одной фразы из «Политики», докладчик перевел этот пассаж из плана отвлеченно-исторического (как его толкуют обычно) в план актуально-политический, показав связь теоретических рассуждений Аристотеля с теми надеждами, какие он возлагал на Александра Македонского как на будущего устроителя политических дел греческих городов. Таким образом, «средний» строй был для Аристотеля не предметом мечты, а реальным будущим полисов Эллады.

В том же ключе был построен и доклад А. И. Зайцева (Ленинград) «Аристотель об отношении „Законов“ Платона к его „Государству“». Автор тоже начинает свое построение с нового толкования одной фразы из той же «Политики» и переводит Аристотелю критику Платона из аспекта логического в практически-политический. Аристотель, по мнению докладчика, «приписывает Платону (по всей вероятности основательно) использование обходных путей для осуществления своих политических идеалов». Доклады А. И. Доватура и А. И. Зайцева, основанные на новом понимании важнейших, ключевых высказываний изучаемого автора, получили высокую оценку в выступлениях Я. М. Боровского и были приняты слушателями без полемики.

Иначе обстояло дело с теми докладами, авторы которых пытались по-новому взглянуть на отдельные известные произведения классической литературы, связав их с определенным политическим моментом.

К таким исследованиям относится доклад С. Я. Лурье (Львов) «„Скованный Прометей“ Эсхила и Клизфенова демократия». Исходя из резкого противоречия между характеристиками Зевса в «Скованном Прометее» и других трагедиях Эсхила и отвергая попытки исключить «Скованного Прометея» из Эсхилова наследия, докладчик пишет разрешение этого противоречия в политических целях автора трилогии о Прометее — в его стремлении оправдать приход к власти в эпоху Кимона той самой аристократии, которая угнетала народ в VII и в начале VI в. Для этого Эсхил использовал теорию «знания через страдание» и пришедший в литературу и философию из судебных споров прием «пропедевтического сомнения» (роль которого и играли в трилогии апории трагедии «Скованный Прометей»). Дискуссия по докладу была тем оживленней, что докладу С. Я. Лурье противостоял прочитанный на пленарном заседании доклад И. Тренчени-Вальдапфеля, в котором, как мы уже видели, гипотетическая трилогия о Прометее рассматривается с точки зрения развития заложенных в ней философских идей и предстает перед нами как раскрытие антагонизма человечности и религии, как торжество человеческого принципа, воплощенного в образах Прометея и Геракла. Оба доклада обсуждались вместе. В. Н. Ярхо, отметив, что оба доклада будят мысль, говорил о невозможности найти окончательное решение вопроса об утраченной трилогии и предостерегал против попыток опереться на те данные, которые сами пужаются в истолковании (в частности на папирусные отрывки, привлеченные И. Тренчени-Вальдапфелем). И. М. Тронский предложил свое восстановление «Прометея Освобожденного» (исходя из предположения о дилогии, построенной по принципу «фронтонной» симметрии) и согласился с мнением, что Зевс должен был торжествовать (но уже как друг людей), — новые боги у Эсхила всегда торжествуют, но старые получают какое-то место среди новых. Н. А. Чистякова посвятила свое выступление рассмотрению идейной стороны трагедии в докладе И. Тренчени-Вальдапфеля, обратив особое внимание на связь Прометея с Афинами. А. И. Доватур и М. С. Альтман, считая гипотезу о «пропедевтическом сомнении» интересным решением вопроса, высказывали сомнения по поводу отдельных тезисов доклада С. Я. Лурье. Заключительные выступления обоих докладчиков вновь подтвердили, что расхождение между ними — это расхождение в подходе к предмету. С. Я. Лурье подчеркнул, что он не занимался «фантастическим восстановлением утраченных текстов», его интересовал лишь конкретный вопрос о разрешении определенного противоречия и, в частности, политическая сторона этого вопроса. И. Тренчени-Вальдапфель исходил из представлений о драматической композиции и «музыкальной диалектике» трагедии, диалектике борьбы человеческого и бесчеловечного. Особо следует отметить, что оба докладчика выступили против тех западных исследователей «Прометея Скованного», которые отрицают авторство Эсхила.

Прения по докладам И. Тренчени-Вальдапфеля и С. Я. Лурье показали, что делать окончательные выводы по всем затронутым вопросам еще рано. Однако, как еще раз напомнил зачитанный (И. М. Наховым) доклад С. И. Радцига (Москва) «О политической тенденции Эсхила в „Эвменидах“», политические мотивы, бесспорно, играли в творчестве Эсхила весьма существенную роль. С. И. Радциг присоединяется к тем исследователям, которые видят в Эсхиле приверженца старых аристократических традиций и противника реформы ареопага (462 г.), однако в условиях внешне- и внутривнутриполитических противоречий того времени. Эсхил приветствовал разрыв давнего союза Афин со Спартой и вступление в союз с демократическим Аргосом.

Новое понимание послания Горация к Августу было предложено в докладе М. Л. Гаспарова (Москва) «Борьба Горация с архаистами». Отправным пунк-

том доклада был не новый перевод, а новая датировка памятника — 18 г. до н. э. (а не 14—13 г., как обычно считается). Эта датировка позволяет докладчику найти «Посланию» место в сложной картине литературно-политической борьбы 23—17 гг. до н. э., показать, что критика литературных противников Горация — архаистов — в «Послании» провизана политическими мотивами. Таким образом, «Послание» предстает перед нами не изящной светской беседой между единомышленниками (какой рисует его традиция буржуазной науки), но злободневным памфлетом. Оппонентом докладчику выступил И. М. Тронский. Смелая постановка вопроса нуждается, по его мнению, в дополнительных доводах (прежде всего для подкрепления датировки); архаизм был одним из элементов идеологии Августа — в нем не обязательно видеть оппозиционное направление; не стоит, наконец, преувеличивать неблагоприятность полемических приемов Горация. С. А. Ошеров, поддерживая докладчика, говорил о разнице между архаизмом официальным (интеграция достижений неостериков и арханстов в «Энеиде») и демократическим архаизмом народной комедии, а также подчеркнул плодотворность подхода к литературным явлениям с точки зрения политической обстановки времени их возникновения. Эта мысль прозвучала и в выступлении А. Н. Смирнова. М. С. Альтман в краткой реплике напомнил слова Энгельса о Горации, который «ползал на брюхе перед Августом» (Соч., т. XIII, стр. 390) и предостерег против идеализации его гражданского облика. М. Л. Гаспаров в заключительном слове привел еще некоторые аргументы в пользу своей датировки и подчеркнул, что хотел отойти от сложившихся в буржуазной науке традиционных представлений о мирной будто бы обстановке литературной и политической жизни эпохи Августа, прочесть «Послание» глазами его современника. При всей гипотетичности результатов сам метод он считает плодотворным.

Новое понимание сохранившейся во фрагментах «История» Саллюстия речи Котты дал Г. Перль (ГДР) в своем докладе «Борьба между побилитетом и плебсом по материалу „Истории“ Саллюстия». Опираясь, в частности, на новые чтения палимпсестов, докладчик восстанавливает Саллюстиеву оценку той ситуации, в которой речь была произнесена. Установленный контекст меняет «лицо» речи. Выглядевшая, пока ее рассматривали изолированно, вполне «благородно», в общей связи она получает несколько иное освещение. А. И. Немировский отметил обоснованность выводов докладчика и их значение для истории.

В. Херинг (ГДР) в докладе «К тенденции „Записок о Галльской войне“» исходил из политической цели этого сочинения: ответить противникам Цезаря и обеспечить ему второе консульство. Обращаясь к «тем кругам, которые делали политику» и исходя из взгляда господствующего класса на нермские народы как на объект завоевания и порабощения, Цезарь оправдывает свои действия. Эта тенденция проникает все изложение «Записок», «полуофициального документа римской экспансионистской политики». С вопросами и отдельными замечаниями по докладу выступили Ф. Кюнерт, Г. Перль, А. И. Доватур, М. Н. Ботвинник, Л. Вельскопф.

К докладам, посвященным отдельным памятникам, рассматриваемым в связи с общей политико-идеологической обстановкой своего времени, следует отнести еще доклад Э. Д. Фролова (Ленинград) «Обоснование тираннической формы правления в „Гигроне“ Ксенофонта». Докладчик показал место «Гигрона» в формировании монархических взглядов Ксенофонта и их классовую основу, выступающую особенно ярко в условиях острой социальной и идеологической борьбы IV в. до н. э. Доклад получил положительную оценку в выступлениях А. И. Зайцева, который высказался против предположения о возможной связи «Гигрона» и Платонова «Государства», и С. Я. Лурье, приведшего параллельный материал о тирании из так называемого «Анонима Ямвлиха».

Истолкованию политической тенденции уже не одного произведения, а всего наследия писателя был посвящен доклад И. М. Тронского (Ленинград) «Общественная направленность комедий Теренция». В противовес буржуазным историкам литературы, подчеркивающим «аполитичную» природу комедии Теренция, докладчик указывает на связь творчества комедиографа с общественно-политическими тенденциями сципионовской группировки, ратовавшей за смягчение социальных противоречий во внутренней политике, за прекращение экспансии и переход к созданию системы зависимых «дружественных» государств — во внешней.

Доклад был высоко оценен выступавшими в прениях. И. Тренчени-Вальдапфель указал на связь самой темы «Братьев» Теренция с пропагандой в пользу Сципионов. Б. Доэр, развивая эту мысль, считал возможным найти в пьесе намеки на конкретных исторических лиц и определить комедию как «политическую, а не развлекательную». И. М. Нахов говорил о важности конкретных исследований для марксистско-ленинской науки и одобрил оба важнейших положения доклада: творческий характер пьес Теренция и политический характер его творчества. Я. М. Боровский указал на важность той части доклада, где говорится о судьбах творческого наследия Теренция после смерти поэта.

В близком направлении шло исследование Б. Доэра (ГДР), представившего доклад на тему «Публилий Сир, раб и народный поэт». Автор стремился связать отрыв-

«Эволюция политических идей Исократ» был посвящен доклад В. Г. Боруховича (Горький). К сожалению, как было отмечено в выступлении Е. А. Миллор, в целом положительно оценившей доклад, докладчик не поставил вопрос о причинах этой эволюции, недостаточно выявил взгляды Исократ на общество.

Несколько докладов были посвящены историко-философским взглядам отдельных писателей и мыслителей древности.

И. Хан (Венгрия) в докладе «Теория Аппиана о внутренней борьбе в римском обществе» реабилитирует историка римских гражданских войн, которого часто изображают ограниченным компилятором. Докладчик дает целостную картину собственных взглядов Аппиана, согласно которым эгоизм различных общественных групп, движимых своими экономическими интересами, закономерно ведет к все обостряющейся борьбе между ними, борьбе, принимающей все более острые, все более кровавые формы и доходящей до организованной, регулярной войны. «Понимая» стремления всех слоев населения, Аппиан, однако, как представитель идеологии империи Антонинов видит единственное спасение в монархии, устанавливающей социальное равновесие. Оригинальные взгляды Аппиана, как известно, привлекли к нему внимание основоположников марксизма. Выступившие в прениях Г. Перль, И. А. Немировский, отметили новизну постановки вопроса в докладе, посвященном не заимствованиям Аппиана, не ошибкам (на чем сосредоточивался интерес старых историков), но его самостоятельным взглядам. С основными положениями доклада согласился и Ф. М. Нечай.

Отдельным школам античной философии были посвящены доклады К. Яначека и И. Н. Нахова.

Докладчик ищет в античной философии источник для изучения идеологии свободной бедноты и рабов, придавая в этой связи особое значение учению киников. Автор видит в нем «крайне левое вопиющее плебейско-демократическое и материалисти-

ческое крыло в античной философии, чья этика пересматривала весь материально-этический кодекс рабовладельцев, противопоставляя рабовладельческому государству и его законам принцип „согласно природе“, реальной свободе господ — „внутреннюю свободу“ мудрецов, независимую от социального положения». Доклад вызвал многочисленные вопросы и критические замечания. Из участников обсуждения (И. М. Тронский, И. Тренчени-Вальдапфель, Е. А. Немилова, К. М. Колобова, И. Д. Амусин, Н. А. Чистякова, М. Л. Гаспаров, В. П. Дзагурова, А. И. Зайцев) многие указывали на упрощение картины социального строения античного общества и соотношения между общественным и идеологическим развитием, на искусственное выделение киinizма из общей картины греческой философии, на необходимость более четко различать как периоды истории киinizма, так и отдельные направления внутри этой школы, на то, что учение кииников, ничего не сулившее рабам, гораздо естественнее связать с люмпен-пролетариатом, на то, наконец, что многие вопросы, возникающие из основного тезиса доклада, остались без рассмотрения. Докладчик в заключительном слове подчеркнул, что он сознательно «шел на дискуссию», заостряя основные положения доклада.

Три доклада были посвящены истории религии.

В докладе А. И. Немировского (Воронеж) «Идеология патрициев и плебеев по данным римской религии» рассматривалось значение данных об основании храмов и об истории отдельных культов для выяснения последовательности и характера сословной борьбы и идеологии патрициев и плебеев. Выступивший в прениях И. М. Тронский обратил внимание докладчика на хронологический разрыв между основанием храмов и предшествовавшим ему возникновением соответствующих понятий, а также отметил, что в докладе не оценено в должной мере значение лингвистического момента, при разборе лингвистических данных допущены неточности. Некоторые соображения об истории борьбы патрициев и плебеев высказал Ф. М. Нечай.

Попытка выявить «политическое лицо» различных религиозных догматических систем (как христианских, так и языческих) III—V вв. н. э. была сделана в докладах А. Л. Каца и А. П. Каждана.

А. Л. Кац (Ош) в докладе «Социально-политические мотивы в идеологической борьбе в Римской империи в конце III — начале IV в.» приходит к выводу, что «за тремя важнейшими религиозными системами эпохи: неоплатонизмом, ортодоксальным христианством и манихейством скрывались основные линии противоречий: между *honestiores* и *humiliores* (главная), между Римом и провинциями (второстепенная)». Автор связывает учение Плотина с интересами старой сенаторской знати, манихейство с чаяниями социальных низов, а ортодоксальное христианство с провинциальной оппозицией. Отвечая на возражения Э. К. Путныня, А. Л. Кац подчеркнул, что в изучаемое время антагонизм рабов и свободных уже сменился антагонизмом *humiliores* и *honestiores*.

А. П. Каждан (Москва) в докладе «О социальной сущности идейной борьбы в христианстве IV—V столетий» показал сложную картину богословских споров изучаемого времени и стоявших за ними социально-политических сил. Уделяя большое внимание политической стороне борьбы, автор показывает также значение философского и догматического содержания богословских учений для участвовавших в борьбе социальных групп. Противоречие материи и духа, мистически снимаемое в образе богочеловека было необходимым условием для того, чтобы христианство могло сохранить себя в качестве идеологии господствующего класса. В прениях И. Д. Амусин поставил вопрос о происхождении «снятого дуализма» христианства (следует ли видеть в нем исконную черту или результат эволюции?). С. С. Аверинцев затронул ряд проблем как социального (о связи арианства с военными кругами), так и историко-идеологического (о роли античной диалектики в развитии христианства, о идейном родстве арианства и иконоборчества и др.) характера. П. Ф. Козик посвятил свое выступление полемике с тезисами доклада Л. Варцла.

Три доклада стояли особняком — это доклады Л. Вельскопф (ГДР) «Образцовое хозяйство Ксенофонта», Ф. Кюнерта (ГДР) «Деление на так называемые свободные и ремесленные искусства в античный период, по своему содержанию близкие к тематике работ I секции, и лингвистический доклад Н. С. Гринбаума (Кишинев) «О диалектной базе языка древнегреческой хоровой лирики».

На втором пленарном заседании, состоявшемся 15 апреля под председательством С. Л. Утченко, было прочитано шесть докладов.

Первым выступил Хр. М. Данов (Болгария) с докладом «К вопросу об экономике Фракии и ее Черноморского и Эгейского побережий в позднелатинскую и эллинистическую эпохи». Докладчик рассмотрел один вопрос — о зерновом хозяйстве. О плодородии фракийской земли сообщают многие древние авторы, но некоторые из них (Феофраст и др.) говорят о невысоком качестве здешних злаков. Это утверждение, принимаемое на веру иными историками (Хайхельхейм) не подтверждается ни другими источниками, ни данными вспомогательных дисциплин. Хлеб поступал на

рышки Эгейского и Черноморского побережий и был предметом фискальных операций (продажа полученной от чрезвычайных натуральных обложений пшеницы) фракийских династов IV в. Македонское завоевание и обострение классовой борьбы в греческих полисах побережья отрицательно (хотя и не везде в равной мере) сказались на сельском хозяйстве Фракии. Здесь явления социально-экономического кризиса эллинистического мира острее всего проявились в области производства зерна и снабжения им греческих городов.

Затем был заслушан доклад В. Д. Блаватского (Москва) «Рабский вопрос в идеологии эллинизма». Эллинская мысль, считает докладчик, вплоть до IV в. до н. э. не испытывала сомнений в том, что рабство является необходимым общественным институтом. Лишь в период эллинизма, в условиях нарастающего распада полисной идеологии перед обществом стал «рабский вопрос», который проявился в том внимании, какое уделяют теперь рабу как человеку литература, искусство, философия. Докладчик показывает те отклики на этот вопрос, которые можно найти в сочинениях Менаандра, Герода, Феокрита, в новых сюжетах изобразительного искусства (сцены из новой комедии, из сельской жизни, изображения рабов), в учении стоиков. Однако эти черты идеологии эллинизма нельзя считать ни основными, ни даже существенными. Немаловажной особенностью эллинистического общества докладчик считает проникновение рабов в среду философов и поэтов.

И. И р м ш е р (ГДР) в докладе «Мировоззрение Павла Силенциария» отправляется от исследований М. В. Левченко об идеологической борьбе в среде интеллигенции Юстиниановой эпохи. Докладчик отвергает взгляд на эпитаграммы Павла с их эллинистической кабинетной ученостью, равнодушным к философии и религии, как на «грех молодости» поэта, в отличие от его «зрелых» произведений — стихов в честь восстановления храма св. Софии. Докладчик показывает, что и в последних поэт, оставаясь в кругу принятых религиозных представлений, не проявляет более глубокого интереса к теологии и христианским добродетелям. Эти стихи — выдержанный в античном духе панегирик императору, где на первом плане заслуги государственных. Классицизм Павла Силенциария соответствовал общему духу Юстиниановой реставрации (восстановление *Imperium Romanum*). Христианство и ортодоксальная церковь были уже столь крепко связаны с существующим обществом, что принадлежность к ним перестала быть вопросом личного убеждения — фанатизм и ригоризм были оставлены еретикам, а официальные круги могли теплиться приверженностью к античному прошлому, утерявшему уже живую связь с действительностью.

Л. В а р ц л (Чехословакия) в докладе «Теоретические основы изучения античной религии» критиковал догматизм в этой области науки. Атеисты-вульгаризаторы, не заботившиеся продумывать теоретические основы изучения религии, оказывались в плену отвергаемого ими самим позитивизма. Эта философская школа в свое время сыграла немалую роль в борьбе против христианской ортодоксии, но ее односторонний интеллектуализм исключает из области исследования эмоциональный элемент. Препятствуя этим проникновению в сущность религиозной веры, он затрудняет борьбу против религии. Устарели и запустевшие у буржуазных эволюционистов (в свое время немало сделавших для сравнительного изучения религий) схематические построения. Сейчас буржуазные историки религии, желающие идти в ногу с современными знаниями, выдвигают на первое место место феноменологию. Основные идеи феноменологии неприемлемы для марксистов, но ее критика других школ полезна. Задача адекватного познания явлений религии требует борьбы с теоретическими основами буржуазной философии: надо доказывать, что не существует особой религиозной действительности, но лишь одна материалистически постигаемая реальность. Более глубокое понимание эмоционального аспекта также важно, ибо должно сократить пути к устранению материальных условий, сохраняющих религиозную жизнь.

Д. Б. Ш е л о в (Москва) в докладе «Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху» намечает общие контуры единой картины исторического развития этих областей (обобщающих работ на эту тему в современной литературе почти нет) и указывает на проблемы, требующие дальнейшего исследования. Как показал докладчик, исторические связи Северного Причерноморья и Балканского полуострова установились задолго до возникновения на Черном море античных государств. Греческая колонизация Западного и Северного Причерноморья была единым процессом. Общим для этих областей основным вопросом следует считать проблему взаимоотношений городов и окружающих варварских племен. Автор указывает на роль державы Атея, объединившей в IV в. до н. э. Северное Причерноморье и часть северобалканских земель, на значительные изменения экономической и социальной жизни в III в. до н. э. (кризис городов и изменение обстановки в восточноевропейских степях). Держава Митридата Евпатора объединила, наконец, припонтийские земли в рамках единого политико-экономического целого, но затем, с утверждением на Балканах гегемонии римлян, при относительной слабости их влияния в Северном Причерноморье, развитие разных причерноморских побережий пошло по разным путям (несмотря на сильные в начале н. э. экономические связи). Однако лишь окончательное падение рабовладельческого мира разорвало традиционные внутрипонтийские связи.

Заклучил программу конференции доклад академика К. Куманецкого. (Польша) «Речь Цицерона в защиту Лигария». Докладчик выясняет, как общий политический смысл процесса Лигария (46 г. до н. э.), так и отдельные неясные его детали. Благоприятный для подсудимого исход дела был, видимо, предreshен. Процесс имел пропагандистскую цель — он должен был показать последним не сложившим еще оружия помпеянкам снисходительность Цезаря, готовность его к примирению. Но суд не должен был выглядеть пустой формальностью (автор приводит и другие примеры политической «режиссуры» Цезаря). Тонкий анализ источников позволяет докладчику понять мотивы действий сторон, реконструировать обвинительную речь Туберона и проследить ход аргументации обвинителя и защитника. Ставя вопрос, выступил ли Цицерон в этом процессе простым орудием Цезаря или проводил собственную политику, докладчик показывает, что выступление Цицерона (изменившего в это время принятому было им решению отойти от общественной жизни) соответствовало вполне сознательной политической линии, которой он тогда придерживался. Не ожидая от продолжения гражданских войн (даже в случае победы помпеянцев) ничего кроме террора и надеясь на то, что Цезарева политика амнистии приведет к установлению «какого-нибудь» упорядоченного государственного строя, Цицерон стремится поддержать Цезаря в этой политике, у которой были противники среди цезарианцев.

Перед докладом К. Куманецкий от имени Польской Академии наук выразил благодарность Академии наук СССР за теплый прием и высказал уверенность, что настоящая конференция будет способствовать укреплению дружбы между исследователями античной культуры всего социалистического лагеря.

Я. Печирка (Чехословакия) выступил с краткой информацией о работе редакции ежегодника «Эйрене». Этот ежегодник имеет целью содействовать развитию новых методов изучения классической культуры. Он будет публиковать статьи, труды, рецензии из журналов, издающихся в социалистических странах, сообщения научных учреждений социалистических стран. Затем Я. Печирка от имени чехословацкой делегации, обратившись к организаторам и всем участникам Конференции, выразил удовлетворение ее работой, надежду на укрепление завязанных здесь дружеских связей.

В заключение конференции с краткими речами на латинском языке выступили А. И. Доватур К. Куманецкий и И. Тренчени-Вальдафель.

Закрывая конференцию, С. Л. Утченко отметил разносторонность тематики докладов и активность их обсуждения. Конференция укрепила связи как между учеными-античниками Советского Союза и братских социалистических стран, так и между античниками разных городов и научных учреждений нашей страны. Все это свидетельствует о том, что конференция была посвящена актуальным проблемам нашей науки. С. Л. Утченко выразил благодарность гостям из братских стран, товарищам, приехавшим на конференцию из других городов, и гостеприимным хозяевам — ленинградцам, партийным, общественным и научным организациям города Ленина.
